

1874 – 1945

БАБИНСКИЕ, ШЛЯПОЧНИКИ

Мои дедушка и бабушка по отцовской линии.

Мой дедушка Борух Бабинский и бабушка Хая Шляпочник, родились в Бердичеве, небольшом городе на севере Украины. Повидимому, когда была введена черта оседлости, предки Бабинских (тогда известных как Бобинские) жили в городе Каменец-Литовске, а Шляпочники – в городке Левкове, поскольку там они записаны во всех переписях населения 19-го века. Таким образом, Борух и Хая, и их братья и сёстры, которые были жителями Бердичева как минимум в четвёртом поколении числились проживающими в Каменец-Литовске и Левкове, соответственно.

Учитывая, что родители Боруха и Хаи уже не искали брачных знакомств для них в своих родовых городках, связи с этими городками к тому времени, очевидно, ослабели настолько, что дети Боруха и Хаи о ней даже не догадывались.

Борух Бабинский

Борух родился в 1874 году. Или в 1881 году. Его надгробный камень утверждает: ”Умер 7 мая 1944 года на 71-м году жизни”. Но перепись 1897 года упоминает его как 16-летнего. Фиксирование событий жизни не было первостепенной важностью в те времена.

В 1874 или в 1881 году Борух родился третьим из четырёх сыновей Хаима и Перлы Бабинских. Будучи уже опытным кузнецом, Хаим владел тремя двухкомнатными, крытыми железом объединёнными домами (мы бы назвали их таунхаузами с одной спальней), двумя кирпичными и одним деревянным. Деревянный был поздним дополнением, и он почти касался стеной стены дворового туалета. Даже если бы у них был выбор, Бабинские предпочли бы жить рядом: они черпали силу, и тепло, друг от друга.

Дома теснились на одном дворе на улице Бродского, 173—улица была названа в честь Лазаря Бродского, еврейского сахарного магната и филантропа—где четыре брата жили с родителями и своими семьями.

(После смерти Хаима каждый из его сыновей назвал одного из своих сыновей в честь отца. Имя, разумеется, изменили на русифицированное Ефим (Фима)).

В то время, как его братья следовали по стопам отца, Борух стал наборщиком в Еврейском издательстве, расположенном недалеко от дома. Близость эта была жизненно важна для продления жизни его обуви, поскольку снег и грязь делали улицы непроходимыми. Галоши не помогали: они застревали в этой уличной каше, утягивая за собой обувь.

(Здание издательства существует до сих пор (по состоянию на 2011 год). Оно находится на улице Карла Либкнехта, одной из главных улиц Бердичева, названной в послереволюционный период в честь со-основателя Коммунистической партии Германии. Приземистое одноэтажное кирпичное здание, выкрашенное в белый цвет—на фронте

выложены слова "Государственная типография", в типичном советском стиле—сейчас стало торговым центром с закусочными и предприятиями обслуживания, принадлежащими местным неоперившимся капиталистам.)

Человек неразговорчивый, Борух был настолько тихим, что его присутствие часто оставалось незамеченным. Его руки, непропорционально крупные и неожиданно сильные для его щуплого телосложения, были ловкими и незнающими лени; если они не работали, то скручивали табак в очередную папиросу (эти папиросы всегда в России и СССР назывались самокрутками). Большинство вечеров он был поглощён копированием Ивритских текстов, которые он еле-еле мог прочесть, с рукописей, позаимствованных на работе, на странички, вырезанные им из папиросной бумаги. Он работал с муравьиным терпением и точностью. Затем он мастерил переплёт из отходов картона, и так получались изящные миниатюрные книжечки, которые сырость дома вскоре превращала в бумажную массу.

Хая Шляпочник

Хая (позже её имя руссифицировали в Клара) происходила из семьи мелкого торговца, Эля и Цили Шляпочник. Эль много лет продавал ткани с тележки, прежде чем смог арендовать угол в лавке без окон, одной из многих подобных лавок на бердичевской торговой улице. Семья нанимала жильё на улице Житомирской, 119. Родственники Эля жили поблизости.

Шляпочники были известны в Бердичеве своим обязательным посещением могил их умерших родственников в дни рождения и смерти каждого из этих родственников. Практически недели не проходило без поездки на кладбище.

(Эта традиция не могла поддерживаться после того, как они покинули город и могилы, но в более скромных масштабах она продолжалась и в Киеве, где они поселились. Хая утверждала, что каждый должен помнить все даты, если он рассчитывает, что кто-то будет навещать его могилу.)

Когда младшему брату Хаи исполнилось десять, он взял на себя заботу о магазине после занятий в хедере, чем освободил своего отца для доставки рулонов материи менее бедным клиентам. Эль разрешил Хае посещать классы иудаизма для девочек, на которых предлагались также и некоторые общеобразовательные предметы. Ей особенно нравилась арифметика. Возможность учиться считалась необычно прогрессивной в её окружении. Когда обучение в двенадцать лет закончилось, ей и в голову не приходило, а если бы и пришло, то ей бы не разрешили, продолжать образование.

Согласно доступным архивным записям, у родителей Хаи были ещё двое детей, но Аврам знал по меньшей мере ещё двоих. Одна из них была сестра, которая иммигрировала в Соединённые Штаты с четырьмя детьми в 1908 году и чей след мы не смогли найти. Хая читала и перечитывала её письма из Чикаго вслух. Они описывали много чудес Нового Света. Самым запомнившимся была печь, которая готовила так аккуратно, что женщине не нужно было надевать передник. Хая скептически относилась к такому хвастовству.

Переписка прекратилась в начале 1930-х, когда в СССР любая связь с границей вела к обвинению в шпионаже.

Борух и Хая – Семья

Если Борух родился в 1874-м, то он был на одиннадцать лет старше Хаи, что было необычно в эру, когда брачные знакомства происходили в подростковом возрасте. Возможно, смутные слухи о том, что его первый брак закончился смертью жены при родах, были правдой.

У Боруха и Хаи было шестеро детей: мой отец Аврам, Рахиль (Роза), Рейза-Малка (Маня), Лиза, Этель (Эмма) и Хаим-Исер (Муся). Борух обожал своих дочерей. Он гордился быть отцом четырёх красавиц, которым даже не понадобится приданое, чтобы соблазнить толпу сводников приносить самые заманчивые предложения. “И после того, как заберут мою последнюю,” говаривал он, “люди будут стучаться в моё окно и спрашивать, нет ли у меня ещё дочерей.”

Как было принято в те дни, Борух, как отец, получал безусловное повиновение от семьи. Но именно Хая, прагматик и, как о ней сказал Аврам, стратег, с её сноровкой и рассудительностью держала семью на плаву, что было немалым достижением, учитывая семейный бюджет, состоящий из скудной зарплаты Боруха и мелочи, которую его братья периодически подбрасывали.

Высокая и видная, она ходила лёгкой походкой с высоко поднятой головой. Обладая способностью уделять внимание деталям и в то же время не спускать глаз с главной цели, Хая не придавала большого значения мелким неприятностям. Никакие потрясения не могли поколебать её уравновешенный характер. Моя мама называла её главнокомандующим и миротворцем в одном лице.

Так как Хая не любила домашнюю работу, которая заполняла её жизнь, она придерживалась наиболее экономной и однообразной, но сытной кухни: борщ, конечно, и картошка и капуста, отдельно или в варениках. Монотонные и скучные бытовые проблемы оставляли ей время заниматься любимым занятием: составлять и решать в уме арифметические задачи.

Иногда она помогала в соседней пекарне, когда жена хозяина рожала или накануне праздников (праздники у иудеев начинаются вечером предыдущего дня), или по пятницам. Она подтрунивала над указаниями хозяина: “гиш эрайн нох а бишл вошер, дас шейн мэр а бройт” (Добавь больше воды, получится больше хлеба). Он шепелявил и произносил Ш вместо С. Аврам копировал это мастерски и так часто, что я считала это выражение народной поговоркой.

Хая получала оплату остатками хлеба, если что-то оставалось. Когда это случалось, она несла его домой, укутав в запасной платок. Нарезанный, подсушенный в печи и съеденный с горячей водой, приправленный кусочком сахара, зажатым за губой, этот хлеб был пусть нерегулярной, но заметной и любимой добавкой к семейному столу.

Много десятилетий спустя, живя в благодати Соединённых Штатов, Аврам по-прежнему наслаждался вкусом сухаря, обмакнутого в несладкий чай, который он прихлёбывал через кусочек сахара, заложённый за верхнюю губу. Вопреки всем законам химии, кусочка сахара хватало на огромное количество чашек чая, и ещё оставалось, чтобы посмаковать после последнего глотка. “Вот это настоящий десерт!” говаривал Аврам.

Бабинские и гражданская война, революция, погромы.

Первая мировая война, революция, гражданская война и погромы перевернули жизнь семьи, начиная с 1914 -го и до начала 1920-х. Борух был больше не в состоянии работать полный рабочий день: непрерывное курение (прикуривая самокрутки одну от другой) и пары свинца и чернил от типографской краски привели к непрерывному хроническому кашлю и спазмам желудка. В то время, как мир вокруг них разваливался, братьям Боруха удавалось накормить всю их большую семью, подковывая лошадей и ремонтируя экипажи, повозки, телеги для любого, кто их не убивал.

Иногда этот район захватывался педантичными и обходительными немцами, приносящими единственную передышку от разрушительных набегов местных армий и банд, порождённых переворотом. Месяцами молодое поколение Бабинских редко выглядывала из подвала. Подростки были главной мишенью для убийства или, с тем же конечным результатом, для принудительного призыва либо наказания в случае неповиновения, которое быстро приводилось в исполнение хозяевами положения.

Измученные и запуганные, братья и сёстры Аврама и большинство его двоюродных сестёр и братьев со стороны Бабинских избежали тифа, бесконечных грабежей и вымогательств, и кровавых погромов даже в страшном 1919-м.

Спустя несколько лет после возвращения стабильности большая часть Бабинских из поколения Аврама рассеялась по Советскому Союзу, осев в Ростове, Херсоне, Москве и Киеве. Во время Второй мировой войны, в 1941, нацисты убили тех из семьи, кто не эвакуировались из Бердичева и не был призван в армию: детей, беременных женщин, стариков – семьдесят две души.

Борух, Хая и их младшенький, Муся, умерли друг за другом в 1944-1945-м в Киеве. Они были похоронены в одной могиле в Киеве на Куренёвском кладбище. Муся умер от туберкулёза в возрасте, как утверждал Аврам, двадцати семи лет, хотя на его могильном камне сказано: “Умер марта 29, 1945, на 20м году жизни.” Муся был единственным ребёнком с правильным отчеством -Борухович; Аврам был Борисович и его сестры Борисовны. Как изменение произошло без того, чтобы Борух когда-либо изменил свое имя, его дети не знали.

Лиза умерла в Киеве от рака поджелудочной железы в 1967 году. Аврам и его три выжившие сестры иммигрировали в Соединенные Штаты. Все они страдали слабоумием в конце своей долгой жизни. У Аврама к тому же была прогрессирующая глаукома. Они похоронены в пригородах Чикаго. Потомки Бабинских живут в России, Израиле и в Соединенных Штатах.

В 1961 -м году мы с мамой провели часть моих летних каникул в Херсоне, навестив одного из двоюродных братьев моего отца, которого звали Ефим. Он мне понравился. Его неподдельный интерес к моим детским рассказам и его шутки по поводу его маленького роста позволили мне, подростку, чувствовать себя непринужденно. Он был толстенький, с искрящимися глазами и такой коротышка, что ему нужна была скамеечка, когда он оперировал (он был акушером-гинекологом).

Вскоре после нашего приезда пришла новость о том, что мы, Советский Союз, начали возводить стену в Восточном Берлине, чтобы помешать им, “западу”, засылать шпионов. Моя мама пришла к выводу, что вскоре начнётся новая война. Для меня слово “война” звучало так же отдалённо, как и всё, что происходило до моего рождения: сценарий для фильмов, тема для детективов. Для взрослых оно означало страдания и разруху войны, закончившейся шестнадцатью годами раньше. Оно сохранило свою осязаемость в достаточной степени, чтобы дрожали колени при мысли о возможности возврата кровопролития и нацистского аппетита на “Юденфрай”, умноженного на постоянно пульсирующий местный энтузиазм в том же направлении. Затаённое предчувствие, постоянное в нашей жизни, не вызвало бы у меня тревоги, но нервный шёпот и острый страх, исходящий от мрачных лиц взрослых, холодили всё у меня внутри.

Мы хотели вернуться домой в Киев. Если бы худший сценарий осуществился, день в поезде мог бы нас поймать на какой-нибудь богом забытой станции. Когда Ефим узнал о нашем решении, он не позволил моей маме закончить фразу: “Ты никуда не поедешь одна с юной девушкой. Мы – семья. Что бы ни произошло, мы будем вместе”. Кругленький, маленький, невозмутимый человек предстал высоким и могучим, и внезапно я почувствовала себя такой же защищенной за его спиной, как за спиной моего отца.